

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Культура. - 1994. - Янв. - С. 3.

В своей почти двухнедельной поездке по Дальнему Востоку я случайно оказался попутчиком Никиты Михалкова. Он занимался своими делами, я — своими. Но поскольку нас одновременно приглашал Дальневосточный театральный центр-фонд, в гостиницах и на обедах мы неизменно оказывались соседями. С одной стороны, это было крайне приятно. Ибо жить в роскошных домах приемов бывших крайкомов КПСС и вкушать блюда, которые раньше мог увидеть только в телепередачах про экзотические страны, мне вряд ли пришлось, будь я один. С другой стороны, знаменитый режиссер настолько поглощал всеобщее внимание, что на меня его просто не оставалось.

И НА ТИХОМ ОКЕАНЕ СВОЙ ЗАКОНЧИЛИ ПОХОД

Владивосток встретил тридцатиградусными морозами. Замерзшая незамерзающая бухта Золотой Рог, и по утрам путь прокладывали ледоколы. Выходить из машины не хотелось. Она была тепла и уютна, несмотря на видимую хрупкость. Впрочем, весь Владивосток ездит на «тоётах», вполне справедливо предпочитая их недолговечным и более дорогим отечественным маркам. За короткий срок моряки привозят по две-три машины, на одной разъезжают сами, а другие продают. На улицах приморской столицы не перестаешь удивляться, почему же здесь не левостороннее движение, если практически все машины с правым рулем. Накануне нашего приезда город был взбудоражен и возмущен слухами о предстоящем крупном повышении таможенных пошлин. Ругали Центр, в котором ничего не понимают. Газеты печатали фотографию морячка, который в знак протеста расколотил молотком только что привезенную «японку».

Но все же именно мороз был самой актуальной темой, поскольку проблемы, связанные с ним, касались всех. В крае был тяжелейший энергетический кризис. Целые жилые кварталы, лишенные света и почти лишенные тепла, по ночам замирали. Отдельные храбрецы коротали ночь при свечах. Все же прочие развешивались по родственникам, которым посчастливилось жить в более удачных районах. Школы и детские сады не работали. Но вот спали морозы, и отходчивые горожане вновь переключились на таможенные тарифы и разгорающуюся все сильнее конфронтацию городской и краевой властей.

Надо сказать, что в большинстве своем дальневосточники к политике совершенно охладели. Об этом можно было судить хотя бы по творческим встречам с Никитой Михалковым. Зрительный зал в большей степени интересовали подробности съемок «Урга», недавно показанной по телевидению, и состояние дел в Фонде культуры, а не мнение режиссера о политической ситуации внутри страны.

Взгляды приморцев устремлены на океан. Туда, где Япония, Америка, Южная Корея. И даже туда — где Австралия, с которой тоже установлены широкие экономические связи. Вся огромная Россия на Западе особых надежд не внушает. Хотя, конечно, куда же друг без друга? Куда стране без дальневосточных портов, которые живут, дышат,

связывают со всем миром? Куда Владивостоку без страны, которая все же пришлет и уголь, и электричество даст, чтобы не сидеть в темноте и в холоде.

У Хабаровска другие проблемы. Когда мы приезжали, бюджет края был на нуле. Работникам бюджетных сфер не платили зарплату. На грани социального взрыва был Комсомольск-на-Амуре, где закрылись авиационные заводы. Заводчане, вынужденно оказавшись на улице, на чем свет стоит «крыли» какое-то высокое начальство, которое додумалось продать Китаю технологию современного боевого самолета. Вместо того, чтобы делать самолеты у себя и продавать их в готовом виде.

Уровень преступности повсюду очень высокий. По ночам на улицы лучше не выходить. Во Владивостоке было несколько серьезных взрывов. Погибли люди. Ночью под Хабаровском машину часто останавливают вооруженные автоматами патрули. Реакция у молодых омоновцев на Михалкова самая непосредственная. «Ой, настоящий! Откуда вы здесь взяли? Мы вас только что по телевизору видели!» Режиссер отвечал: «Это еще что! Вы тут, ребята, стойте, никуда не уходите. Через полчаса Киркоров на лошади поедет!» Смеются, понимают: шутит. Беспрепятственно пропускают дальше. Хотя, случается, и постреливают.

Глубокой ночью сидим с Никитой Сергеевичем в баре интуристовской гостиницы. За наш столик подсаживаются здоровенные ребята, коротко остриженные, в кожанках. Ведут себя хозяевами. Понятно, контролируют гостиницу. Но, видно, и криминальным личностям приятно просто поболтать со знаменитостью. Михалкову тоже интересно, что да как. В ходе беседы возникает почему-то мысль померяться силой. Михалков довольно быстро, без особого напряжения «кладет» руки всех крутых ребят по очереди. Породистый российский интеллигент из дворян оказывается крепче «нового поколения».

Впрочем, поди теперь пойми иногда, где кончается криминальная структура и начинается культура. В театрах открываются валютные бары и казино, разного рода фонды вовсю занимаются коммерцией, прикрываясь словами о высоком.

В Хабаровске гораздо меньше японцев, чем во Владивостоке. Много американцев и немцев. И очень-очень много китайцев. Причем сразу ки-

тайцев не видно. Они как-то умеют держаться в тени и делать свои дела тихо. Но если задаться целью, то очень скоро обнаружишь, что на рынках и на толкучках их едва ли не больше, чем наших соотечественников. Что добрая половина здешних бизнесменов носит китайские фамилии. Что ими покупаются дома и квартиры. И так далее.

Но российских граждан это почти не волнует. Они озабочены дороговизной. Цены-то больше московских! Разве что деликатесная амурская рыба здесь чуть дешевле. Но на одной-то рыбе не проживешь! Мучают неуверенность в завтрашнем дне, боязнь остаться без работы.

У многих есть еще и такая проблема. Чтобы слетать, скажем, в Москву к родственникам, нужен как минимум миллион. Который, кстати, будет почти полностью съеден стоимостью билетов. Люди вдруг почувствовали себя почти крепостными. Привязанными к месту не чьей-то барской волей, а непомерным ростом цен. Я разговаривал со стариками, которые уже не надеются увидеть детей. Я выслушивал молодых людей, которые уже не думают об учебе где-то в центре.

Мастера искусств теряют связи со своими столичными коллегами. Что вполне понятно, если, скажем, провести элементарный подсчет того, во что обойдутся гастроли даже небольшого музыкального или театрального коллектива.

Связи рвутся. Но, повторюсь, несмотря ни на что, тяга людей друг к другу сохраняется. В дальневосточных залах зрители спрашивали у Михалкова, что происходит на «Мосфильме», чем заняты те или иные актеры, что в театрах, как там все эти «Ники» и «Овены».

И, кстати сказать, было бы большой ошибкой называть дальневосточную культуру занеманной в угол. Во Владивостоке только что создана оперная студия. В Хабаровске вполне процветает Театр музыкальной комедии. И там, и там открываются новые учебные заведения по подготовке мастеров искусств и работников культуры.

Надо надеяться на собственные силы, несмотря на всю мощь зарубежных партнеров. Эти слова я слышал во многих городах России. И вот теперь — на самом ее краю. Понятно, больше надеяться не на кого.

С. БЕДНОВ.